

ИГОРЬ
СЕВЕРЯНИН

АНАНАСЫ
В ШАМПАНСКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С28

Северянин, Игорь.

С28 Ананасы в шампанском : [сборник] / Игорь Северянин. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-17-159138-0 (С.: Эксклюзив: поэзия)

Серийное оформление и дизайн обложки *Я. Половцевой*

ISBN 978-5-17-119684-4 (С.: Эксклюзив: Русская классика)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

В настоящем издании представлены стихи из четырех поэтических сборников Игоря Северянина — «Громокипящий кубок» (1913), «Ананасы в шампанском» (1915), «Соловей» (1923), «Классические розы» (1931), раскрывающие творческую эволюцию поэта на протяжении 20 лет.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК

Поэзы

Эта книга, как и все мое Творчество,
посвящается мною Марии Волнянской,
моей тринадцатой и, как Тринадцатая,
последней.

Игорь Северянин

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Ф. Тютчев

Я — противник автопредисловий: мое дело — петь, дело критики и публики судить мое пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэмы, которые мною не уничтожены, т. е. жизненны. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в свое время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжег. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение «изыском сего дня» — неправильно: этим умерщвляется то, сокровенное, в чем зачастую нерв всей поэмы. Мертворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, — допускаю, даже уродливо, — я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — мое!

Игорь Северянин

Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны.

«Люблю грозу в начале мая!»

Люблю стихи Игоря Северянина. Пусть мне говорят, что в них то или другое неверно с правилами пиитики, раздражает и дразнит, — что мне до этого! Стихи могут быть лучше или хуже, но самое значительное то, чтобы они мне понравились. Я люблю их за их легкое, улыбчивое, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенной волею упоенной души поэта. Он хочет, он дерзает не потому, что он поставил себе литературную задачу хотеть и дерзать, а только потому он хочет и дерзает, что хочет и дерзает. Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его — воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок в легких руках нечаян-

но наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеется резвая, беспечно слушая, как «весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом».

О, резвая! О, милая!

Федор Сологуб
Февраль 1913 г.

I. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ

Очам твоей души

Очам твоей души — молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей,
И всё, что здесь в конце, и всё, что здесь в начале, —
Очам души твоей...

Очам души твоей — сиренью упоенье
И литургия — гимн жасминовым ночам;
Всё — всё, что дорого, что будит вдохновенье, —
Души твоей очам!

Твоей души очам — видений страшных клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши! —
Но ты должна принять!.. И плач, и хохот лиры —
Очам твоей души!..

Солнце и море

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром, — солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!

Весенний день

Дорогому К. М. Фофанову

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле.
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цветы, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

В грехе — забвенье

Ты — женщина, и этим ты права.

Валерий Брюсов

Вся радость — в прошлом, в таком далеком
и безвозвратном,
А в настоящем — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; — его пленяет неосторожность...

Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в унынии, оно в оковах, оно в томлени...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучьи,
Оно трепещет такую скорбью, всё в гипсе лени...

А жизнь чарует и соблазняет, и переменой
Всего уклада семейных будней влечет куда-то!
В смущении сердце: оно боится своей изменой
Благополучье свое нарушить в часы заката.

Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может,
вырыт...

О, сердце! сердце! твое спасенье — в твоём безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грехи отважней! — пусть добродетель — уделом мумий:
В грехе — забвеньё! а там — хоть пуля, а там —
хоть рельсы!

Ведь ты любимо, больное сердце! ведь ты любимо!
Люби ответно! люби приветно! люби бездумно!
И будь спокойно: живи, ты — право! сомненья, мимо!
Ликуй же, сердце: ещё ты юно! И бейся шумно!

В березовом коттедже

На северной форелевой реке
Живете вы в березовом коттедже.
Как Богомать великого Коррэджи,
Вы благостны. В серебристом парике
Стряхает пыль с рельефов гобелена
Дворецкий ваш. Вы грезите, Мадлена,

Со страусовым веером в руке.
Ваш хрупкий сын одиннадцати лет
Пьет молоко на мраморной террасе;
Он в землянике нос себе раскрасил;
Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд
И, с отвращеньем, хмуря чернобровье,
Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдруг видите брильянтовый браслет,
Как бракоцепь, повиснувший на кисти
Своей руки: вам скоро... много лет,
Вы замужем, вы мать... Вся радость — в прошлом,
И будущее кажется вам пошлым...
Чего же ждать? Но морфий — или выстрел?..
Спасение — в безумьи! Загорись,
Люби меня, дающего былое,
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!
Безгрешен грех — пожатие руки
Тому, кто даст и молодость, и негу...
Мои следы к тебе одной по снегу
На берега форелевой реки!

Berceuse¹ осенний

День ало-сиз. Лимонолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мне сказал, что у меня есть муж
И трижды овесененный ребенок?..
Ведь это вздор! ведь это просто чушь!
Ложусь в траву, теряя пять ребенок...

¹ Колыбельная песня (фр.).

Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, галантный мой Экссесс,
Меня возьмет и девственно озверит.

И, утолив мой алчущий инстинкт,
Вернет меня к моей бесцельной яви,
Оставив мне незримый гиацинт,
Святее верб и кризантэм лукавей...

Иду, иду, под осени berceuse,
Не находя нигде от грёзы места,
Мне хочется, чтоб сгинул, чтоб исчез
Тот дом, где я — замужня невеста!..

Элементарная соната

О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!
Мне хочется тебя увидеть — печальную и голубую...

Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, как угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро — скоро окончится мое страданье...

Но, Господи! с какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, Господи! с какою болью познаю я свое забвенье!

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,
Чем мертвому, в немом безгрёзы, покоиться
бесстрастно-нежно...

О, призраки надежды — странной — и сладостной,
и страстно-бóльной,
О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!

Не надо же тебя мне видеть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мне слышать, печальная и голубая...

Ах, встречу боюсь рассеять желанное свое страданье,
Увидимся — оно исчезнет: чудесное — лишь
в ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чем вечное к нему
стремленье,
Но все-таки биенье мига прекраснее веков забвенья!..

Идиллия

Милый мой, иди на ловлю
Стерлядей, оставь соху...
Как наловишь, приготовлю
Переливную уху.

Утомился ты на пашне, —
Чай, и сам развлекься рад.
День сегодня — как вчерашний,
Новый день — как день назад.

Захвати с собою лесы,
Червяков и поплавки
И ступай за мыс на плесы
Замечтавшейся реки.

Разведи костер у борозд,
Где ковровые поля;
Пусть потрескивает хворост,
Согревается земля...

А наловишь стерлядей ты
И противно-узких щук,
Поцелуй головку флейты, —
И польется нежный звук.

Засмеясь, я брошу кровлю
И, волнуясь и спеша,
Прибегу к тебе на ловлю,
Так прерывисто дыша.

Ты покажешь мне добычу
(У меня ведь ты хвастун!),
Скажешь мне: «Давно я кличу!» —
И обнимешь, счастьем юн.

И пока, змеясь гибкой,
Стройной тальей у костра,
Ужин лажу, — ты с улыбкой
(А улыбка так остра!)

Привлечешь меня, сжигая,
Точно ветку — огонек,
И прошепчешь: «Дорогая!» —
Весь — желанье, весь — намек...

Это всё для ребенка

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень, ведь теперь
еще осень...
А увидеться с Вами я мечтаю весною, бирюзовой
весною...

Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу,
если сердце вдруг спросит,
Если сердце простонет: «Грезишь мраком зеленым?
грезишь глушью лесною?»

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем.
Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре.
Разве только в концерте.

Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно.

Но зато — осиянным
И брильянтовым взором обменяться успеем... —
как и словом в конверте...

Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором.

Вы всегда под опекой.
Это всё для ребенка... Это всё для ребенка...

Это всё для ребенка...
Я в Вас вижу подругу. Я в Вас женщину вижу.

Вижу в Вас человека.
И мне дорог Ваш крестик, как и Ваша слезинка,
как и Ваша грбенка...

Янтарная элегия

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

А. Пушкин

Вы помните прелестный уголок —
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья, и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?